

В. Семенов

**Адмирал Степан Осипович
Макаров**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. Семенов
В11 Адмирал Степан Осипович Макаров / В. Семенов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 88 с.

ISBN 978-5-458-52434-6

Книга эта, как понятно из названия, об адмирале Степане Осиповиче Макарове, который по праву, наряду с другими великими фотоводцами, является гордостью русского флота, а его жизнь и гибель являются частью великой истории русского флота.

ISBN 978-5-458-52434-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нату, онъ посвящаетъ свои досуги садоводству, возращивая хризантемы, о какихъ не снилось ни Фрейндлиху, ни Эйлерсу, то это только похвально.

Трудно сказать, чего было больше въ этихъ острогахъ—добродушнаго юмора или горечи...

Но вотъ, на мѣсто «шефа» Кронштадтскаго порта былъ назначенъ С. О. Макаровъ—и началась строго-закономѣрная война за восстановленіе «Наказа», за восстановленіе правъ, узурпированныхъ петербургскими канцеляріями.

Это дѣло покойный адмиралъ считалъ первѣйшимъ.

Правда, незамѣтно, исподволь установившійся порядокъ для всякаго другого представлялъ собою величайшую приманку: почти полную безответственность. Но это было не по характеру адмирала. Онъ не боялся ответственности; больше того—не боялся самыхъ ошибокъ, за которыя могли бы привлечь его къ ответственности. Любимой его поговоркой было: «Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ».

И отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ онъ требовалъ прежде всего «дѣла», строго различая неопытность—отъ небрежности, неумѣнье—отъ нежеланія.

Надо ли говорить, что подобное отношеніе къ

своимъ обязанностямъ было встрѣчено далеко несочувственно въ мирно дремавшемъ Кронштадтѣ, а декларация «о правахъ» нашла самое энергичное, хотя и глухое, противодѣйствіе въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства.

Конечно, всего сразу не сдѣлаешь, плетью обуха не перешибешь. Адмиралъ и самъ хорошо это чувствовалъ. На штурмъ онъ не пошелъ, а двинулся сапой (хоть не всегда выдерживалъ характеръ), въ надеждѣ отвоевать утраченныя позиціи.

Наибольшимъ препятствіемъ къ осуществленію этой надежды была близость къ Петербургу, возможность постоянного, полу-официальнаго вмѣшательства въ дѣло управленія портомъ при посредствѣ бесѣдъ по телефону.

На почвѣ борьбы «за право исполнять свои обязанности» (какъ выразился однажды покойный) отношенія его со «шпицемъ» не разъ обострились, а весной 1903 г. дѣло дошло до того, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Конечно, прошенію этому не было дано хода: все уладилось... но чрезвычайно интересна для характеристики С. О. та «капля, переполнившая чашу», которая побудила его къ такому рѣшительному поступку.

С. О. самъ сдѣлалъ свою карьеру, самъ, соб-

ственной головой и руками, проложилъ себѣ путь, а потому, естественно, былъ злѣйшимъ врагомъ nepотизма, такъ прочно укоренившагося въ нашемъ флотѣ. Просьба флагмана или капитана *) объ офицерѣ, отличившемся своей службой, была для него священной; но протекція береговыхъ жителей, особенно дамъ, чаще приносила вредъ, нежели пользу.

— Ну, да, конечно...—подбодрялъ онъ почтеннаго просителя или просительницу, заводившихъ рѣчь о своемъ протекжѣ, и вдругъ перебивалъ ихъ на самомъ интересномъ мѣстѣ какимъ-нибудь неожиданнымъ и не относящимся къ дѣлу вопросомъ...

Разумѣется, даже при той работоспособности, какою былъ надѣленъ С. О., усмогнѣть за всѣми назначеніями офицеровъ своего порта во внутреннее плаваніе, разобраться въ этихъ назначеніяхъ главному командиру просто не было времени; но кое-что, наиболѣе яркое, не ускользало отъ его вниманія.

Замѣтилъ онъ однажды, что нѣкій юноша

---

*) С. О. рѣзко различалъ «флагмановъ и капитановъ», т.-е. плавающихъ моряковъ, отъ «адмираловъ и командировъ», проживающихъ на берегу.

упорно, изъ года въ годъ, пристраивается на какую-нибудь яхту или недвижущійся миноносець (есть и такіе), явно уклоняясь отъ плаванія на линейныхъ судахъ—и, не смотря ни на какія просьбы, приказаль хоть силкомъ вытащить его на соленую воду.

Право главнаго командира назначать во внутреннемъ плаваніи любого офицера своего порта на любой корабль того же порта до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что даже адмиралтействъ-совѣтъ, и тотъ никогда не пытался его «разъяснить». Положеніе казалось безвыходнымъ... Но умные люди выходъ нашли. Ужъ и приказъ былъ набранъ въ типографіи штаба порта, и корректура оттиснута и выправлена... Зазвонилъ телефонъ въ кабинетѣ главнаго командира (это значить—не кто-нибудь!)—Алло!..—Да, я... хотѣлъ, на всякій случай, предупредить... мичмана N ближайшимъ приказомъ переводимъ въ одинъ изъ петербургскихъ экипажей... Просили... Такъ вотъ... чтобъ не угнали куда-нибудь—все равно, списывать придется...

Этимъ способомъ милый юноша былъ изъять изъ предѣловъ досягаемости власти главнаго командира.

Просто и хорошо.—Но я никогда не видѣлъ

адмирала такимъ «встравленнымъ», какъ въ тотъ вечеръ.

* * *

Помимо войны съ «шпицемъ», стремившимся держать главнаго командира привѣшеннымъ на концѣ телефонной проволоки, надо было всколыхнуть еще и то мирно дремлющее болото, обитатели коего, въ противоположность лягушкамъ известной басни, вовсе и не просили Зевса о новомъ царѣ. Онъ явился сверхъ всякаго ихъ ожиданія.

Отошли въ прошлое добродушно-насмѣшливые рассказы о томъ, что главный командиръ «не принимаетъ» потому, что «занятъ».—А чѣмъ?—Подрѣзкой молодыхъ деревьевъ, прививкой дичковъ или, въ персиковой оранжереѣ, переносомъ (при посредствѣ кисточки—за отсутствіемъ мухъ) цвѣточной пыли съ одного цвѣтка на другой...

День распредѣлялся иначе.

Съ 8 ч. 45 м. до 9 ч. утра главный командиръ принималъ «являющихся по службѣ», а также тѣхъ, кто имѣлъ срочный докладъ и просилъ о назначеніи для него опредѣленнаго часа въ тотъ же день; отъ 9 до 11 ч. утра—обѣздъ торговыхъ учреждений, казармъ, кораблей въ гавани, всегда неожиданный; съ 11 до 11¹/₂ ч. утра—спѣшныя,

но несложныя дѣла; съ 11¹/₂, до полудня (иногда затягивалось)—докладъ начальника штаба порта; завтракъ; съ 1 ч. до 1¹/₂ ч.—пріемъ просителей (по должности главнаго командира и военнаго губернатора); въ 2 ч. дня докладъ капитана надъ портомъ и сопровождающихъ его старшихъ портовыхъ техниковъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ ними, объѣздъ производящихся въ порту работъ. Въ 5 ч. пополудни адмиралъ (за самыми рѣдкими исключеніями—что-нибудь очень спѣшное) возвращался домой, раздѣвался, ложился въ постель и (каковы нервы!) моментально засыпалъ; въ 5 ч. 45 м. его будили, и онъ, принявъ душъ, одѣвался къ обѣду. За обѣдомъ всегда былъ кто-нибудь изъ «нужныхъ на сегодня» людей (часто тѣ, что просили срочнаго доклада), такъ что и послѣобѣденный кейфъ оказывался утилизированнымъ; съ 8 до 10 ч. вечера—внѣ-очередныя доклады начальниковъ отдѣльныхъ частей; послѣ 10 ч.—составленіе или редактированіе доклада или записки по дѣламъ порта совмѣстно съ кѣмъ-нибудь изъ специально приглашенныхъ техниковъ или начальниковъ отдѣльныхъ частей, никогда не задерживаемыхъ позже 11¹/₂ ч. вечера (вечерній чай, въ большинствѣ случаевъ, подавался въ рабочей кабинетъ). Послѣ 11¹/₂ ч. адмиралъ занимался «своимъ» дѣ-

ломъ, диктуя «барышнѣ-машинисткѣ» или спора о томъ, что собирался продиктовать, съ тѣми, съ кѣмъ привыкъ дѣлиться своими мыслями (скажу безъ ложной скромности—нерѣдко эта честь выпадала на мою долю). Не позже 1 ч. ночи адмиралъ ложился спать; вставалъ обычно въ 7 ч. утра, принималъ душъ, дѣлалъ гимнастику, одѣвался, пилъ чай, а затѣмъ—въ 8 ч. 45 м. пріемъ «являющихся по службѣ» и т. д.

Такъ изо дня въ день.

По закону отъ главнаго командира не требуется какого-либо писаннаго отчета о его дѣятельности, о мѣрахъ, имъ принятыхъ, о его пожеланіяхъ на будущее; но С. О., вообще мало считавшійся съ тѣмъ, что онъ пренебрежительно называлъ «канцелярской отпиской», основанной на «понеже» и «поелику», нашелъ совершенно необходимымъ представить по начальству такого рода отчетъ за первые два года своего управленія портомъ. Отъѣздъ на войну и безвременная гибель не дали ему возможности закончить слѣдующій, въ которомъ (какъ я это хорошо знаю) онъ собирался выложить весь свой горькій опытъ, высказаться еще болѣе опредѣленно, чѣмъ въ первомъ, хотя... и въ первомъ было сказано достаточно, и еслибы на этотъ отчетъ (несомнѣнно хранящійся

въ архивахъ морского министерства) было обращено должное вниманіе — какъ знать? — можетъ быть, «Цусима» не была бы для русскаго чело-вѣка такимъ же незабываемымъ словомъ, какимъ для француза является «Седанъ»...

Мой экземпляръ этого отчета, полученный (въ качествѣ сотрудника по составленію его) лично отъ адмирала, съ его автографомъ (за номеромъ и весьма секретно)—погибъ въ бою. Цитировать на память—не рѣшаюсь. Документъ этотъ, несомнѣнно, сдѣлается, со временемъ, достояніемъ исторіи, и тогда—разберутся... Я же позволю себѣ остаться исключительно на почвѣ «историческихъ анекдотовъ», мною записанныхъ.

Почти всю мою службу (за исключеніемъ двухъ лѣтъ въ академіи, да отпусковъ, которыхъ набралось больше года) я провелъ съ плаваніи на Дальнемъ Востокѣ, и какъ прирожденный «строевикъ», питалъ отвращеніе, «родъ недуга», ко всякимъ береговымъ должностямъ въ штабахъ, канцеляріяхъ, управленіяхъ и т. п.

При такомъ моемъ настроеніи, осенью 1901-го года мнѣ было предложено занять мѣсто адъютанта штаба Кронштадтскаго порта, соединенное (чего еще не хватало!) съ должностью старшаго адъютанта военнаго губернатора...

И тѣмъ не менѣе, я охотно согласился, потому что главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ г. Кронштадта былъ въ то время вице-адмиралъ С. О. Макаровъ, съ которымъ я раньше никогда не служилъ, но о которомъ даже среди «матрозовъ», собиравшейся на бакъ «у Фитиля» *), много слышалъ.

По совѣсти говоря, я не раскаялся въ моемъ рѣшеніи принять «береговую» должность. Служить съ адмираломъ было нелегко. Приходилось частенько не доѣдать и не досыпать, но въ общемъ—жило хорошо.

Отличительной чертой его нрава (которую я, какъ строевикъ, не могъ не восхищаться) являлась вражда ко всякой рутинѣ, ко всякой канцелярщинѣ и, положительно, ненависть къ излюбленному приему столоначальниковъ и дѣлопроизводителей «гнать зайца дальше»—т. е., во избѣжаніе ответственности за самостоятельное рѣшеніе вопроса, сдѣлать на бумагѣ (хотя бы наисрочнѣй-

---

*) На корабляхъ военнаго флота командѣ запрещено имѣть спички и курить гдѣ-либо, кромѣ особо указаннаго мѣста, гдѣ имѣются: кадка съ водой — для бросанія окурковъ и кадка съ «фитилемъ», отъ котораго закуриваютъ. Офицеры, находясь въ «палубахъ», также не имѣютъ права курить, а если захочется—должны идти къ «фитилю». Тутъ-то и можно всего наслушаться.

шей) соответствующую надпись и послать ее куда-нибудь въ другое мѣсто «на заключеніе», или «для справки».

Единственные (правда, весьма рѣдкіе) случаи, когда адмиралъ, теряя самообладаніе, дѣлалъ выговоры въ рѣзкой формѣ, грозилъ судомъ и всякими административными карами, бывали именно тогда, когда внезапно обнаруживалось съ чьей-нибудь стороны стремленіе «гнать зайца дальше», утопить важное, срочное дѣло въ пучинѣ канцелярской обрядности.

Весьма характеренъ взглядъ С. О. на дисциплину—это понятіе, для выраженія котораго на русскомъ языкѣ не нашлось подходящаго слова.—Весь дисциплинарный уставъ—говаривалъ онъ—полностью убирается въ одну фразу присяги: «не токмо за страхъ, но за совѣсть». Человѣкъ, проникнутый ея духомъ, никогда не нарушитъ дисциплины въ высокомъ значеніи этого слова, хотя бы никогда и не заглядывалъ въ дисциплинарный уставъ. «Молчать, когда я съ тобой разговариваю!»—это вовсе не дисциплина, а аракчеевщина. Яковъ Долгорукій, разорвавшій указъ Петра Великаго, не нарушилъ дисциплины!..—

Не осмѣлюсь утверждать, чтобы С. О. избралъ меня повѣреннымъ своихъ сокровенныхъ мыслей,